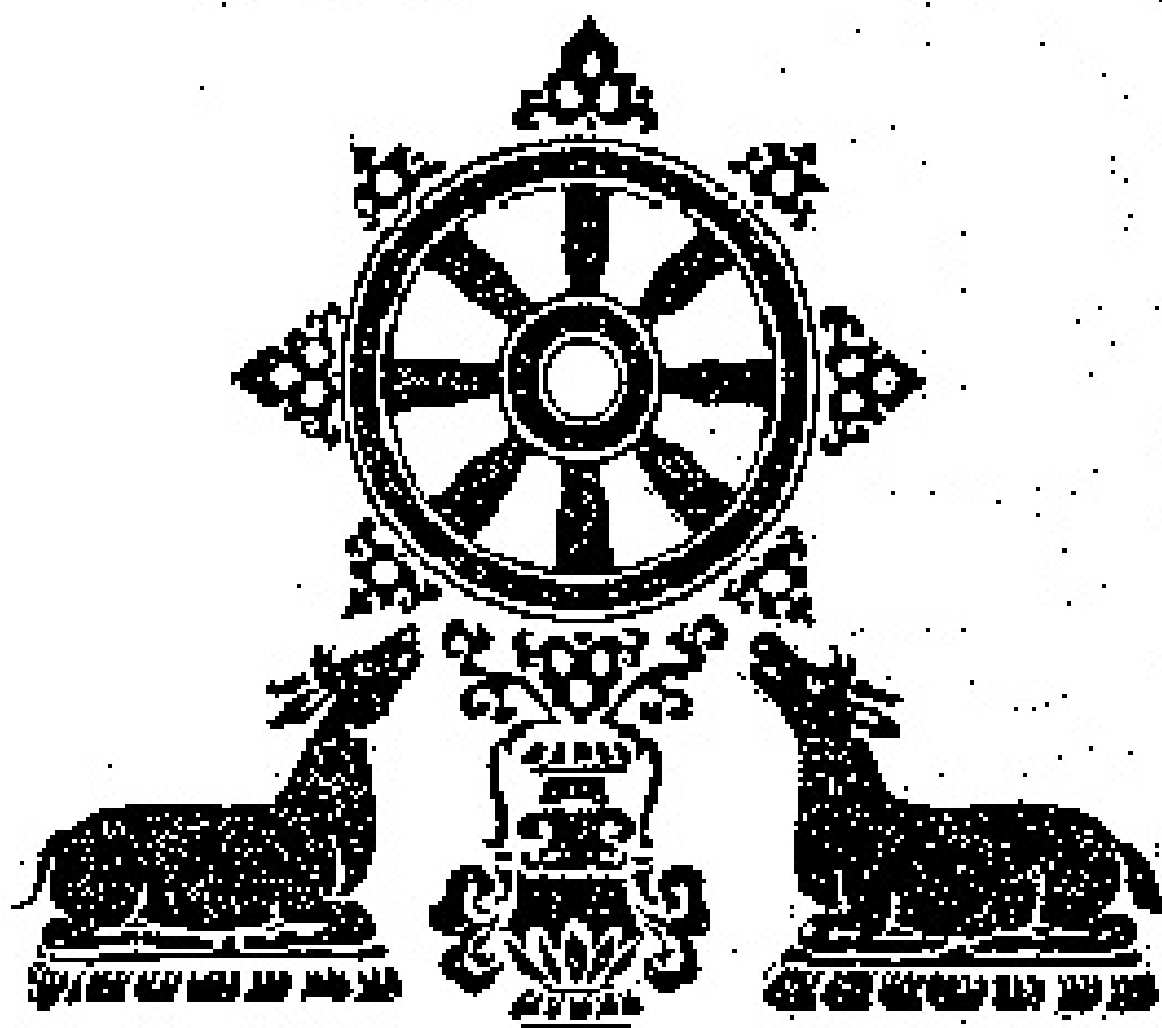

КНИГА МЕРТВЫХ

Колесо Учения - один из важнейших буддистских символов. Поворотом Колеса Учения называют само начало проповеди буддизма. Скульптурное изображение Колеса Учения и ланей, внимающих проповеди, укрепляется обычно над входом в храм.

Annotation

Книгу Мертвых, Бардо Тодол, Тибетскую священную книгу читают, как у нас псалтырь, над гробом умершего в течение 40 дней со дня смерти, исключая первые три дня. Конечно, когда померший беден, чтение укорачивают, а иногда и вообще лишь помянут, как у нас на третий день, девятый, двадцатый и сороковой. А то и просто положат под голову усопшему.

Эта книга-наставление в том, как вести себя Покойному на Том Свете. С другой стороны, это наставление нам, живущим, в том, как и к чему готовиться, пока еще при жизни, в отношении, увы, неизбежного ухода Отсюда.

Эта книга про то, что будет с нами, когда мы умрем, и как следует подготовиться к тому, что ожидает нас на Границе и далее, пока (как утверждает книга) мы вновь не вывалимся Сюда, назад, в очередное беспмятное Существование.

Бардо Тодол

Тибетская Книга Мертвых

*Нет, весь я не умру.
Душа в заветной лире
Мой прах переживет...*

А. Пушкин "Памятник"

*Говорю вам тайну:
не все мы умрем,
но все изменимся.*

I Кор, 15:51

ПРЕДДВЕРИЕ

Книгу Мертвых, Бардо Тодол, Тибетскую священную книгу читают, как у нас псалтырь, над гробом умершего в течение 40 дней со дня смерти, исключая первые три дня. Конечно, когда померший беден, чтение укорачивают, а иногда и вообще лишь помянут, как у нас на третий день, девятый, двадцатый и сороковой. А то и просто положат под голову усопшему.

Эта книга-наставление в том, как вести себя Покойному на Том Свете. С другой стороны, это наставление нам, живущим, в том, как и к чему готовиться, пока еще при жизни, в отношении, увы, неизбежного ухода Отсюда.

Эта книга про то, что будет с нами, когда мы умрем, и как следует подготовиться к тому, что ожидает нас на Границе и далее, пока (как утверждает книга) мы вновь не вывалимся Сюда, назад, в очередное беспмятное Существование.

Потому что испытать жизнь тут и там, Смерть, Сон — одно дело; помнить испытанное — совсем другое дело. Воды ласковой Леты смывают с души испытанное, как следы на песчаном плесе. И если быть честным, то на вопрос: что будет с нами, когда ми умрем? — следует ответить: мы не знаем! Коллективная истина нашей яви тут беспомощна, ибо жизнь ограничена своей всеобщностью.

Книга Мертвых учит нас воспоминанию и распознаванию испытываемого именно в тех случаях, когда нет уступок общедоступности правды, нет произвольного свидетельства, когда мы сами по себе. Подобно тому, как это бывает во сне с сознанием и памятью.^[1] Мы присоединены в Бардо к тайне собственного устройства, к самим себе, которых иные так тщетно искали всю жизнь.

Если в юдоли земной нас можно уподобить телепередаче, которая сама себя смотрит на экране ящика жизни, то в Бардо мы — передача, рассматривающая себя без ящика, без толстого экрана плоти.

Мы передача, вернувшаяся в студию, откуда мы излучались, не ведая про то. Мы — программа в Машине Мира, которая распознает свое начальное значение и вид до того, как, уловленные плотью, мы превращаемся в привычную Картину Себя. Программа, написанная на Языке Вечных Сюжетов нашего искусства. Язык вечных сюжетов, вечных сказок нашей жизни и есть главный Язык в Мировой Машине. Какие-то сюжеты — главные, самые частые, без которых и года не проживешь, вроде сюжета птицы Феникс: сколько раз мы вспархиваем воскрешенные из пепла благодаря этому сюжету к Новой, Неведомой новой роли, новому замыслу. Кончается замысел, роль, и мы вновь умираем, потому что больше нас нет в судьбе, и судьбы нет; всё, мы говорим, обессмысливается, пока — из праха не воскресаем мы, обновленные, и увы! себя не помнящие. Эти накатанные сюжеты нашего бытия и составляют привычную картину нас самих. Недаром говорится: будь тем, чем ты кажешься... Ведь так оно и есть: вначале, лицедействуя, мы кажемся, а чуть погода — становимся тем, что изображаем. В этом и заключена сила ритуала, он кажется таким формальным, внешним, неважным (ну подними руку и проголосуй со всеми на собрании, воскликни со всеми вместе Хайль Гитлер... а после, мол, сплюнь, перекрестись, что тебе станет...). Ан нет, раз поднял руку, перекрестился, воскликнул, два... и не заметил, как Преобразился, стал ролью и лицедейство захватило, искренность появилась. Хотя еще по-прежнему, иногда, с бывшими друзьями еще корит язык наш и память, и сами над собой горюем, мол, кем и чем я стал, во что превратился... Кончено дело — и не выпрыгнуть из такого нарочного поначалу замысла.

Когда исчерпана роль, тогда и смерть (при жизни) и воскресение посредством вечного

замысла Птицы Феникс — естественны, хотя и с грустью, болью, быть может, но восстает из пепла человек и спешит к новому Себе. Другое дело, когда такие роли оборваны на иных размерах истории, эпохи, или смерть прекратила Привычное. Тогда разыгрывается вечный сюжет чрезвычайной трагедийности: сюжет несогласия с судьбой, с богами, с Независящим от Нас. Человек, лишенный Роли, продолжает ее играть, он даже сильнее к ней прилепляется: теперь он по-настоящему искренен, а сюжет больше не нужен, не востребован Эпохой, всеобщей жизнью... Так случается со всеми Шаблонами общих судеб поколения, географии, эпохи (я писал про то перед Сонником), это удел всех, не пожелавших развиться до Человека Сознющего, и востребовать себе судьбу, замысел Личностной Судьбы, а разделивших удел всеобщий, судьбинский временный шаблон. Именно это и происходит с нами в Загробье, где мы, лишенные нужды играть привычное, как те лишенцы Эпохи, превращаемся в Оболочки Сюжета, уже ненаполненного жизни Сутью. Конечно, привычные картинки нас самих, как мы отражались во время жизни в зеркале Собственного Воображения, могут сильно отличаться от нашего истинного, излучаемого неведомой телебашней облика. Зеркало Бардо отражает нас такими, какие мы есть на самом деле! А что мы про себя знаем, помимо выгораживающего нас благоприятного воображения? Под взглядом Чудища из пустоты дрожит загробное наше сознание и рвется прочь, совершая страшную (как станет ясно из дальнейшего) ошибку. Ибо поступать следует как раз противоположно. Не бежать прочь от ужаса, а потянуться к нему, проникнуться им и, распознав в Калибане Себя, допустить и взять на себя Свое. Как бы это ни выглядело!

Как обуянный бесом иль духом становится им на миг, так и в Бардо, узнав Себя и приняв, проникшись обликом, мы становимся тем, чем мы являлись на Самом Деле, навсегда.

Когда нами завладевает божество, мы превращаемся в это божество. Дух, нисходящий, завладевает Святым Сподвижником и в тот же миг Святой превращается в этот Дух! Таков механизм, главное правило Действия в Загробном мире: отдавшись — преображаешься; кого распознал, кого принял в Себя, в того превращаешься.

Бардо — это состояние нашего сознания, лучше сказать, нас самих, когда мы видим, слышим, испытываем и помним, в одиночку, вдали от коллективной правды обыкновенной жизни.

Бардо — это ни реальность, ни нереальность, однако как сон с сознанием — истинно, потому что есть в нашем переживании!

Всего существует шесть таких состояний, шесть Бардо. Три при жизни, или три Бардо жизни. Это Бардо Утробы, когда мы в утробе ожидаем рождение. Бардо Сна, когда во сне мы вспоминаем Себя. Бардо Мистического Озарения, когда наяву мы Себя забываем, но не утрачиваем сознания.

Три после смерти, или три Бардо Смерти. Чикаи Бардо, или Бардо Смертного Часа; Хониид Бардо, или Бардо Кармических Наваждений; Сидпа Бардо, или Бардо Воплощения (очередного рождения).

Все эти состояния — суть Личные испытания. Один на Один с Собой и Неведомым, Небытием. Коллективная Явь с правдой произвольного свидетельства и общедоступностью доказательств, как мы видим, в число Бардо не попадает.

Поскольку Бардо Тодол это Тибетская Книга Мертвых, она насыщена живыми Знаками, Иероглифами и Картинами Буддийского и Ламаистского Пантеона Божеств. Для современного читателя, далекого от буддизма, многие картины и видения Бардо Тодол окажутся необъяснимыми и нелепыми, если не задаться с самого начала некоторой общей объясняющей мыслью, которая бы эти образы книги осовременила.

В наш вычислительный век модны сравнения человека и электронной машины, робота.

Однако сравнения эти в основе своей — ложные. Ибо мы — не роботы, не Машины! Мы очень сложные, многослойные, многоступенчатые и многоэтапные программы, вложенные в Машину Жизни. Начиная с оплодотворения, мы программа, точно и настойчиво исполняющая биохимический, генетический замысел. После рождения мы — суть психофизиологическая программа, которая осуществляет точную постепенность моторики ручек, ножек, головки, ходьбы и, наконец, речи... И так до того, пока не заканчивается наше телесное и нервное развитие. Далее, на высотных этажах Нас, как Программы в Компьютере Жизни, этими Замыслами становятся вечные, классические сюжеты Бытия. Неважно, что качество исполнения невысокое. Тут сам древний вечный сюжет выручает. Превратившись в пепел, прах, мы из него Новым Фениксом вскоре вспархиваем, до очередного раза. Потому и существуют эти вечные сюжеты, потому они классические, что Цель нашей жизни не научиться, а исполнить! Потому никто на ошибках не учится, повторяя снова и снова то же самое в тщетном усилии исполнить наконец-то, высоким качеством, все тот же замысел и всякий раз спотыкаясь на том же месте.

Наша жизнь как исполнительство — вот причина того, почему захватывает жизненное лицедейство человека, почему, войдя в роль (или в раж), мы часто не можем из нее выбраться. Вот почему вечные Замыслы и Личины так понятны нам всем. Без этого и Книги Святые немислимы, если бы Суть дела была в том, чтобы научиться.

Суть жизненного дела, верней, нас (без нас нет дела) как программы, вложенной в Машину Жизни, — не научиться, а исполнить. Мы в Яви, программа исполнительская.

Бес — это не микроб внутри сознания, не бактерия. Внутри ничего и никого нет. Бес — это Роль Беса. Мы — в своем жизненном судьбинском звучании — исполняем под давлением невидимых пальцев чертову пляску иль ангельскую песнь, становясь тем, кого Исполняем.

Не Личина, но Лицедейство — основа жизни. Ибо Личина неподвижна и мертва. Только развернутый в замысле образ составляет мелодию жизни. Мы мелодии, поющие Себя лично, снова и снова на тот же мотив, которые не слышат, как они звучат. Ибо Певец и Песня, Роль и Актер — неотрывны в жизни, тем и отличаясь от Театрального Представленья. Лицедейство и Лицедей в жизненном соединенье — суть Одно. Скажи мне, какому ты следуешь Замыслу, какому Сюжету, и я скажу, кто ты!

Только тогда, когда начинается жизнь Здесь и Сейчас — Лицедей отслаивается от Лицедейства и снимает Личину. Замысел теряет над Исполнителем власть, и тот, кто раньше был лишь ролью, мелодией беспмятного хора жизни, — становится Человеком Отдельным и Присутствующим.

Тех, кто Есть, Присутствуют в жизни, отслоенных от привычного лицедейства среднего человека, — таких людей немного. Для них жизненное исполнение Средней Судьбы эпохи превращается в Личную Судьбу, в отдельный Судьбинский Замысел. Судьба в тот миг и начинается, когда отслаивается от роли и спохватывается Сознание. Воистину, широки врата, ведущие к погибели, и многие идут в них; и лишь узкие тропы обещают спасение.

В случае шести Бардо мы всегда Есть, Присутствуем, потому что становимся из Исполнительской Программы — Программой, Распознающей Себя!

Звено за звеном, в разных Бардо Смерти мы распознаем оком своего истинного Устройства и Смысла. Как всякая распознающая себя Программа в Компьютере, мы обязаны сравнивать Себя с Распознаваемым Знаком, чтобы по условию совпадения выскочить из Режима Распознавания на то или иное действие. Так по условию распознавания программа в машине, компьютере дает Сигнал и открываются двери, летят ракеты, начинает работать передатчик или фигура меняет свое положение (в случае Шахматной программы).

Кто или Что испытывает нашу Способность Самоузнавания — не знаю! Тут великая тайна. Почему машина Жизни откликается, если верно пропето Заклинание, и распахиваются Врата,

закрытые для Невежд, творя волю узнанной и произнесенной нами команды — знака, — сие нам неведомо и книга говорит про то очень туманно.

Став из исполнительской Программы, программой Распознающей Себя, мы оказываемся в одиночестве. Во взаимоотношениях с Самим Собой. Свидетелей, как правило, не бывает, во всяком случае, одного с Нами Замысла и развития — их точно нет. Вот отчего никто нам не может помочь (подчеркивается в книге), кроме нас самих и неведомых Вышних Сил, переключающих нас в Распознающий режим, которым и остается молиться и просить смиренно. Эти зрители, коли они есть, не свидетельствуют и молчаливы, Звездное Око — оно невидимо, хотя пристально за нами призирает.

Тем Сон с Полным Дневным Сознанием и отличается от Яви, что в нем нет произвольных свидетелей, Нет их и в остальных Пяти Бардо. Хотя, конечно, из дальнейшего станет ясно, что Книга Мертвых — это лишь малая толика, вершина айсберга тайны, плавающего в неведомом.^[2]

Спрашивается, в чем суть испытания Распознаьем Себя после смерти? По моей мысли, это последовательное распознавание нами своего истинного Устройства, пока мы находимся в Бардо Смерти, является проверкой верности приобретенного нами при жизни Самосознания. Самосознания, степень которого, в сущности, есть единственное мерило нашего духовного развития. Вот тем и обозначается цель духовного развития при Жизни!

Какое новое качество приобретает Программа, которая сама себя узнала, что происходит с нами, когда мы становимся тем, что мы есть На Самом Деле, — на этот вопрос ответа нет. Это все равно, что спросить, чем становится шахматная программа в компьютере, которая распознает себя и свое предназначение играть в шахматы? Иль что случится с отражением в Зеркале, которое само себя успевает разглядеть, стремительно поворотившись в стекле? Чем станет телепередача, сама себя разглядевшая и узнавшая? Это невероятное качество Самосознания, которое мы способны родить во взаимных исполнениях Яви, есть чудо, словами не объяснимое, пропасть небытия, если за бытие считать телесное. Очень похожее на то, что суть и цель Яви именно родить Самосознание, которое в загробном мире будет проходить строгий экзамен.^[3]

Кто эти экзаменаторы?! Этого нам не узнать, не став Ими!

Что до награды Бардо Тодол, Книга Мертвых ограничивается всякий раз одной и той же краткостью на этот счет: освобождение, бессмертие, спасение от колеса новых беспамятных рождений и сопутствующего жизненного страдания. Смысл Испытания — Распознавания заключается в том, что нам предъявляется некий трудный живой знак, в котором мы должны узнать себя, допустить и проникнуться.

В сущности, механизм здесь тот же, как в случае Одержания, скажем, в культах Макумба (смесь Христианства с Западно-Африканскими культами). Танцующие верующие в церкви дотанцовываются до состояния транса, когда в них вселяется то или иное Божество. В это время, когда человеком завладевает божество, человек становится этим божеством. Я — это Ты. Вот формула распознавания.

Что случится, если мы распознаем себя в трехглавом, шестируком и четырехногом Будде, у которого в каждой голове три жутких, вперенных глаза, — трудно сказать?! Над этим пусть читатель поразмыслит сам, после прочтения книги.

Другое дело, что воспринимать эти Знаки и миражи, причудливые фигуры станет намного легче, если рассматривать их как тайнопись, которая заключает в себе наше истинное Устройство. Однако в мире Бардо, как во сне, иные законы, нежели наяву. Слово или Знак, названный, произнесенный, имеет такую же силу, такую же плотность, как и мы сами или другие фигуры. Знак и плоть во Сне и Бардо — соизмеримы и взаимозаменяемы. Ибо в Бардо, как и во сне, нет вещественной реальности Яви, где несущий Сигнал и Смысл Сообщения

относительно не одно и то же.^[4]

В Бардо сигнал и смысл сообщения не различимы, знак и его живая плоть — одно и едино! Вот почему Заклинание в Магии рождает Образы, а злые духи запечатываются Знаком!^[5]

Иное дело, что мы не буддисты и Знаки — Образы Книги, — нам о многом не расскажут. Сами мы, когда встретимся с собой, увидим, небось, очень даже отличное от трехглавых, шестируких и девятиглавых Будд. Может, увидим трех Богоматерей — троеручниц, со звездой во лбу вместо третьего глаза, и на четырехгранном топазе — вместо четырех ног. А, может, Пришелец нам явится в геометрическом, светящемся формами сложном Образе. Кто его знает, проживем, как говорят, увидим!

Тут важно другое: фигуры в Книге Мертвых — это Архетипические фигуры Буддийского Пантеона, Архетипы, если пользоваться обозначениями Юнга, сиречь фигуры национального и культурного сознания народа, к которому мы принадлежим. Это главные сюжеты человеческого бессознательного существования, которые наполняются культурным национальным содержанием за время жизни.

Атеист, к примеру, вообще может ничего не увидеть, кроме круга пустыни с четырьмя сторонами. В сущности это будет он сам, человек, который при жизни считал, что жизнь начинается с рождения и заканчивается со смертью, и вечные Замыслы Души ничем не заполнил, кроме человеческого бытового смысла, уходящего со смертью.

Что гадать, когда эти видения нас обязательно посетят. Важно, пока еще мы живы, поразмышлять над будущей задачей и ее возможностями. Безусловно, должна быть общность устройства, в той же мере, в какой мы все — люди. И наше четырехстороннее внутреннее устройство круга (мандалы) с отмеченными четырьмя сторонами внутреннего окоема того света, по-видимому, является общим для всех. Размеры фигур-знаков тоже должны быть приблизительно схожими. Появляющиеся фигуры-образы в размере меняются от 15–18 наших ростов до высоты горы.

Много общего должно быть и в ощущениях, а в особенности, в рекомендациях, как вести себя. Тут есть о чем поразмыслить. Если искать подмогу и в поиске, и в разгадывании знаков, то прежде всего пусть читатель обратится к Платону, который в «Республике» описывает возвращение Эра с Того Света. Возвратившись к жизни, Эр подробно описывает устройство Загробного Мира, которое удивительно напоминает некоторые картины из Бардо Тодол.

Много сходств с Бардо Тодол, но с совсем другими знаками, обнаружит читатель в средневековом наставлении для помирающих (если разыщет таковое у нас в библиотеке) (См. примечание).

Главный принцип — условие Распознавания — совершенно одинаков в Бардо Тодол и в Египетской Книге Мертвых. И там и там ты должен проникнуться и стать тем, что видишь. Разница в том, что в Бардо Тодол вначале является Знак — Божество, которое надо узнать, чтобы им стать; а в Египетской Книге Мертвых ты должен стать с самого начала Известным Божеством — Знаком, чтобы пройти, войти, не быть уничтоженным.

В этом смысле Тибетская Книга Мертвых позволяет гораздо большую свободу, в смысле ее наполнения Образами — Знаками других народов.

Как проникнуться и превратиться в то, что видишь? В мире, где Знак и Плоть сравнимы, достаточно объявить: ты — это я! Хотя может быть, надо наоборот заклать: я — это ты. Одной девочке пяти лет приснился сон: играет она на розовом рояле яблочную песню. Когда она ее доиграла, по дорожке из леса вышел ежик, а ему навстречу второй. «Я — это ты?» — спрашивает второй. «Нет, ты — это я!» — ответил первый. Кто из них в кого превратился? Об этом мы узнаем со временем, очнувшись в Бардо.

Что случится, если Распознающая Программа не узнала Себя, не стала тем, чем она

является на Самом Деле? Она вновь переключается в режим Исполнения, мы вываливаемся в коллективную Явь, в очередной раз рождаясь для беспмятного Существования. Беспмятного в отношении того, что было до рождения, что будет после; беспмятного в отношении Себя.

Только тогда, когда мы начинаем просыпаться от дремоты привычного коллективного морока, когда в нас начинает брезжить Самосознание и в его просветах чуть проступают тайные знаки настоящей истинной нашей сути — только тогда начинается Жизнь, не выживание, не существование, а Жизнь, которая не начинается с рождения и не заканчивается смертью. Так учит древнее Знание.

С Богом!

Евгений Цветков

ЧИКАИ БАРДО. ПЕРВАЯ СТУПЕНЬ

Близится время ухода твоего из этой Яви. Признаки Смерти в ощущениях таковы: погружение Земли в Холодную Воду. Тягость заливается, погружаясь, холодом. Озноб и налитие свинцом;

Вода переходит в Огонь. Бросает то в жар, то в холод;

Огонь переходит в Воздух. Взрыв и Распадение гаснущими искрами в пустоте.

Это стихии предуготовляют нас к мигу смерти, взаимно переменяясь.

Когда Огонь разлетается в Пустоте Воздуха, это значит, что пришло время для тебя, войти в пространство Чикаи Бардо.

Избегай рассеянности, соберись, гляди, слушай... Будь внимателен. Попробуй распознать предвечную Троицу, Три-Кайю.

Дхарма-Кайя, Закон, подобно пустынному небу без Воздуха, которое держится только Светом.

Самбхога Кайя, Мудрость, подобна Радуге в Этом небе.

Нирмана-Кайя, Воплощение, подобна Нимбу святых в земной юдоли.

Скоро выдохнешь ты последним дыханьем, и оно прекратится. Тут увидишь ты предвечный Чистый Свет. Невероятный перед тобой распахнется Простор, безбрежный, подобный Океану без волн, под безоблачным небом.

Как пушинка будешь плыть ты, свободно, один.

Не отвлекайся, не ликуй! Не бойся! Это миг твоей смерти! Используй смерть, ибо это великая возможность. Сохраняй ясность мыслей, не замутняя их даже состраданием. Пусть любовь твоя станет бесстрастной.

После того, как выдох полностью прекратится, хорошо, если кто-нибудь прямо в ухо отчетливо прочитает такие слова: «Ты сейчас в Предвечном Свете, пробуй остаться в этом состоянии, какое испытываешь».

Если ты видишь Блеск — это Блеск Предвечного Света Просветленной Яви. Пойми это. Твое теперешнее Сознание, не заполненное впечатлениями, звуками, картинками, запахами, воспринимает Само Себя, что и есть настоящая Реальность.

Твой собственный ум, больше небытийный, зияющий вечностью, это не пустота или беспамятство. Предоставленный только Себе, он сверкает, вспыхивает, горит — это и есть твое настоящее очищенное Сознание.

Твое сознание и сверкающий ум — нераздельны, это одно и то же. Их союз и есть Дхарма-Кайя, состояние Совершенного Озарения Предвечным Светом.

Ты сознаешь сейчас сверкание собственного очищенного, небытийного Ума.

Достаточно понять лишь это. Распознав, что в зиянии вечности ума и заключена устрашающе яркая Просветленность, воспринимая ее одновременно как Собственное сознание, это и значит удержать себя в (состоянии) божественной просветленности Будды.

Твое Сознание, зияющее, растворенное и нераздельное с Великим Блеском Предвечности, не имеет рождения и не знает смерти. Оно само и есть Вечный Свет — Будда Амитаба.

Соберись, ищи взором Предвечный Свет. Увидав, прими! Вот он! Воскликни. Не позволяй вниманию бродить бесцельно. Это встреча впрямую с последней истиной, Законом (Дхарма-Кайя). Сумеешь угледеть, распознать — ты станешь тем, что есть на самом деле. Узнаешь тайну, узнаешь морок Жизни и Смерти, станешь сам этим Светом. Это вертикальная тропа, доступная немногим.

Как учит северный буддизм, посредством «Великой Прямой Вертикальной Тропы» можно сразу освободиться, даже достигнуть Блаженства, вообще не ступая в пространства Бардо, не тяготясь длинной дорогой обычного пути, пересекающего бесчисленные равнины и теснины кармических миражей. Эта вероятность подстилает всю суть Учения Бардо целиком. Вера — это первый шаг на Тайном Пути, Ибо Вера — есть путь и одновременно то, как идти, ибо сказано: если ты совершенно уверен, что ты на верном пути — ты потерял его (Ветхий Завет). Поэтому следом за первым шагом второй шаг — Озарение. Ибо лишь Озарение страхует нас от потери почвы под ногами на истинном пути. С Озарением приходит Несомненность. А когда достигнута Исчерпанность Стремления, тогда приходит Свобода. Успех на этом Тайном Пути всецело зависит от развития души. Если способен смертный охватить открывающееся ему, если в силах он помереть в сознании, при полном опаматовании души своей в миг, когда расстается он с телом, если крикнет нисшедшему страшному свету: «Ты — это Я», — вмиг все цепи сансары (иллюзорности мира) лопнут, и Спящий очнется в Единственной Яви.

Чтобы такое суметь в загробье, надо потрудиться тут, в этом существовании. Опаматование души начинается при жизни, задолго до смертного часа. Увы! Такая духовность так редка, а распахнувшееся озарение так неожиданно, что вмиг равновесие нарушается и сквозь очередное беспаматовство летим мы в нижние пределы Бардо. Буддийские Ламы пользуются таким примером для пояснения: это состояние подобно иголке, которая катится, вращаясь, по натянутой нитке. Пока иголка сохраняет равновесие — она на нитке. Когда со временем силы притяжения к земле берут свое, какой-нибудь конец перевешивает — иголка падает Вниз. В пределах Предвечного Света умирающий испытывает мгновенное совершенное равновесие и единение с Самим Собой. В этот трагический смертный час мы становимся на миг теми, кто мы есть На Самом Деле. Тот, кто ощущает, осознает, и То, что осознается, ощущается — становятся Одним и Нераздельным. Предмет и взгляд — сливаются. Наблюдатель и Явление соединяются целиком. Ощущение это столь необычное и непривычное, само по себе экстатическое, с такими сильными чувствами, что Сознание наше мутится от переизбытка (так от сильной радости падают в обморок), равновесие нарушается, и игла срывается с нити и выпадает из пределов Предвечного Света.

ЧИКАИ БАРДО. ВТОРАЯ СТУПЕНЬ

Ты не увидел Предвечного Ясного Света. В преддверии следующего Бардо перед тобой может засветиться Вторичная ясность. Угляди ЕЕ! Если сможешь увидеть, назвать, приняв, мол, вот Он, вторичный Свет первого мига смерти, — многого избежишь из дальнейшего. Когда увидишь — назови своим любимым Божеством. Воскликни: «Господи! Ты ли это!»

Время вторичного Света длится несколько часов после того, как прекратилось дыхание. Жизненная сила уходит из тела через одно из отверстий, и тут наступает прояснение. Оказавшись Вне тела /как в тех описанных состояниях реанимации (см. 1)/, первое, о чем вопрошает Сознание, — мертв я или нет? Мы видим родственников, друзей или врачей, как привыкли к тому, даже слышим, о чем они говорят. Где же я? — спрашивает очнувшаяся наша Суть, — если вон там лежит мое тело? Мы парим в тех же пределах мест занятий, людей, что и при жизни. Оглядев себя и сосредоточившись на подробностях руки или ладони, к примеру, мы обнаружим, что стали прозрачными, что наше новое тело — это всего лишь игра света, бликов. Стоит распознать это и не испугаться — вмиг придет Спасение. Откроется Тайная Тропа.

Это Вторичный Свет Предвечности. Как наяву, узнав в себе новое и приняв его, мы меняемся, становимся иными. Так и со Светом, распознав в нем себя, становимся им! Не узнав, не увидев света, мы тут можем встретить Часовых Вечности в любом обличье. Это помощники, Великие Образы Соединения все с тем же Предвечным Светом. Если не увидел ты света, однако очнулся, опамятовался и знаешь, где ты находишься, — держи одну мысль в голове: смирение! Кого ни встретишь — склонись и припомни хоть какую-то молитву из прошлой жизни, хоть что-нибудь, во что верил. Обличье Часовых обыкновенно соответствует нашим жизненным привычкам. Так, шиваиту явится Шива, А буддисту форма Будды. К христианину может прийти Иисус Христос; мусульманину — обличье Пророка явит себя; иудею — Моисей или один из Патриархов... и тому подобное. Обличье, принимаемое этими неведомыми сущностями, охраняющими Предвечность, сообразно ожиданиям и возможностям отходящего от этого мира сознания. Помиравшему ребенку могут явиться его родители, мать или отец. И, наоборот, если ребенок помер раньше, он может встретить отца или мать, когда те помирают. Это может быть любимая сестра, давно умершая, или девочка, даже незнакомая, которая поведет нас дальше. Президента может встретить некогда любимый министр; простого человека может встретить когдагошний вождь... Покорись и порадуйся проводнику. Обратись к нему с мольбой и откроется Великая Тропа. (1).

Чикаи Бардо длится 3–3,5 дня.^[6]

Для многих это время беспомысленности. Во время этого беспомысленности Предвечный Свет озарял тебя, но ты был, как тело под Солнцем, лежащее на глине в бесчувствии.

Напомним, всего существует шесть Бардо. Три связаны с Жизнью, три — со смертью.

Первое Бардо — утробное, в ожидании Рождения.

Второе Бардо — Сознательный Сон, когда знаешь, что спишь и себя помнишь.

Третье Бардо — мистическое Озарение, пребывание в Духе.

Четвертое Бардо (Чикаи) — Миг Смерти (3 дня).

Пятое Бардо (Хониид) — Кармические Наваждения, здесь мы разглядываем свое истинное Устройство, перебирая судьбинские четки (до 15 дней).

Шестое Бардо (Сидпа) — Поиск Нового Рождения.

Так и не очнувшись, ты провалился под сверкавшим отовсюду Предвечным Светом в Чикаи Бардо. Теперь ты вынырнешь Сознанием, отделенным от ненужной дольше плоти, в Хониид

Бардо.

Будь осторожен и внимателен! Не спеши! Не пугайся! Ты умер! Пойми это и не прилепляйся к ушедшему, не бреди чувства, не давай им разыграться и поглотить тебя. В страшные места могут увлечь нас волны переживаний. Соберись и гляди вокруг внимательным и добрым взглядом. Повиснет Свет перед тобой, как яркий мираж, играющий и слепящий. Внутри Света услышишь громы, будто схлопываются тысячи гигантских ладоней. Это звуки последней Сути. Не пугайся! Ничего не может тебе повредить, ибо тебя — нет! Поэтому ты можешь стать, чем захочешь. Стань этим Звуком, откликнись на него. Эти миражи — ты сам! Тот, кого нет, включает в себе ничего и все! Если ты не узнаешь, не откликнешься на видения и звуки, не углядишь в них себя и свое — тебя обуяет страх!

Как сквозь подломившийся лед провалишься в иные миры настоящей беды и мучений. Остерегайся произвольных чувств. Пусть добросердечие твердости чистого, зеркального стекла будет твоим главным ощущением.

Бардо Смерти длится в среднем 49 дней, начиная со дня, как померший осознал свою кончину. Обычно за 3 дня это осознание наступает.

После того до 15 дня, приблизительно, мы бродим в Хониид Бардо. Затем — Суд и Сидпа Бардо, в котором мы ищем грядущего, как правило, беспамятного рожденья!

[Скачать полную версию книги](#)